

Андрей Егоров

Кластер

Андрей Егоров

Кластер

«Автор»

2009

Егоров А. И.

Кластер / А. И. Егоров — «Автор», 2009

«Они направились в совещательную залу, а я остался сидеть в клетке. Я был отрезан от людей и очень одинок, как может быть одинок лишь изгой. А впереди меня ожидала кластерная яма – черная тьма, без единого просвета, отсутствие надежд, устремлений и невозможность что-либо исправить, в течение целых пятидесяти лет. Апелляция убийцам не полагалась, так что на помилование я не мог рассчитывать. Технически я даже не мог даже сойти с ума от одиночества. Этого не допускала программа. А через пятьдесят лет из Тюремного кластера мою матрицу переведут в Кластер памяти, где я останусь навсегда...»

© Егоров А. И., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Андрей Егоров	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Андрей Егоров Кластер

Меня приговорили к смертной казни и пятидесяти годам заключения.

В нашем педантичном государстве все судебные решения исполняют строго по порядку. Сначала – сознание изымают из тела, а затем оно же, лишенное брэнной оболочки, отбывает наказание.

– Хотите что-нибудь сказать? – спросил верховный судья, когда все слова обвинителя были сказаны, и мой адвокат в знак протеста покинул зал.

– Да. – Я поднялся со скамьи, подошел к решетке, взялся за прутья. Мне были очень важны эти последние тактильные ощущения. Очень скоро я буду их лишен. Зал суда был полон – граждане России и вкладчики Лунного банка жаждали расправы надо мной, надеясь, что приговор будет максимально суровым. – Я не виновен, – сказал я, – поэтому я не раскаиваюсь. Я не виновен!

Послышались возмущенные голоса.

– Милая, – я посмотрел прямо в телекамеру, – знаю, что ты меня увидишь. Скорее всего, мне предстоит долгий срок. Но я выдержу. Дождусь тебя в кластере. Посети меня в моем одиночестве...

Я замолчал, не зная, что еще сказать. Если бы Лина оказалась рядом, я бы нашел слова. Но в зале суда ее не было. Не могло быть. Поэтому мне оставалось лишь мысленно говорить с ней. Последнее время я жил лишь воспоминаниями о счастье. Память помогает пережить любые невзгоды. Даже существу, лишенному тела.

– Это все? – поинтересовался верховный судья.

– Все, – я отпустил прутья и бессильно опустился на скамью.

– Суд удаляется на совещание.

Они направились в совещательную залу, а я остался сидеть в клетке. Я был отрезан от людей и очень одинок, как может быть одинок лишь изгой. А впереди меня ожидала кластерная яма – черная тьма, без единого просвета, отсутствие надежд, устремлений и невозможность что-либо исправить, в течение целых пятидесяти лет. Апелляция убийцам не полагалась, так что на помилование я не мог рассчитывать. Технически я даже не мог даже сойти с ума от одиночества. Этого не допускала программа. А через пятьдесят лет из Тюремного кластера мою матрицу переведут в Кластер памяти, где я останусь навсегда...

Я работал охранником в Лунном банке, честно зарабатывал на старость, копил на новые тела для себя и для Лины. Мы были еще очень молоды, но для того чтобы приобрести новое тело простому человеку приходится трудиться не один десяток лет. Были и такие, кому не удавалось накопить нужную сумму в срок – все они после смерти отправлялись в Кластер памяти, без надежды на возвращение к социально активной жизни. Если, конечно, кто-нибудь из их потомков, разбогатев, не решался вернуть предков к жизни, чтобы узнать, к примеру, все о своем фамильном древе. Но чаще – чтобы продемонстрировать другим толстосумам, насколько они богаты, – у самых состоятельных граждан были живы десятки колен бедных родственников. Все они жили скромно и, поскольку обошлись своему богатому потомку в кругленькую сумму, часто выполняли в его доме роль прислуги. Попробовали бы они возразить – любой богачей по своему желанию мог отправить их обратно, таковы были условия контракта по воскрешению родни.

Жизнь наша была непростой, но мы с Линой так любили друг друга, что любые трудности казались нам пустяками. Главное, мы вместе, всегда рядом. Нам не на кого было наде-

яться в этой жизни, кроме самих себя – и Лина, и я выросли в сиротском доме. То ли наши родители умерли до нашего рождения, то ли, что весьма вероятнее, просто не желали вешать на себя заботу о детях. Они знали, государство лучше о нас позаботится. Мы выросли, получили начальное образование, сумели найти работу и поженились. Мы знали, что если будем усиленно трудиться, то обеспечим себе достойное существование и вечную жизнь. Что еще нужно для счастья, думали мы...

Все шло гладко, пока какие-то молодчики не решили ограбить Лунный банк. Они расстреляли почти полсотни человек в здании, управляющего банка заставили вскрыть хранилище, а потом убили, расстреляв из автомата, и вынесли сто килограммов золота, драгоценности и украшения из личных сейфов граждан, а еще миллион кредитов наличными. Меня и еще одного охранника прихватили в качестве заложников. Золото погрузили на транспортный флиппер. Прежде чем совершить прыжок в неизвестном направлении, моего коллегу пристрелили, а меня отпустили на все четыре стороны. Думаю, они все продумали. На следующий день в милицейское управление пришло письмо по электронной почте. В нем сообщалось, что я – главарь банды.

Вскоре я уже давал показания. Следователи мне не поверили, они сочли весьма подозрительным тот факт, что я остался в живых. Возможно, всему виной мое лицо – крупные надбровные дуги, широкая переносица, массивная челюсть – мне часто говорили, что у меня вид преступника. Но, несмотря на внешность правонарушителя, я всегда был честным человеком. Так меня научили жить воспитатели в сиротском доме. Настоящие грабители скрылись, прихватив крупный куш, в неизвестном направлении. Общественность требовала найти виновных. Поэтому следствие провели в спешке, объявили, что письмо говорит правду, я – главарь банды, которого кинули подельники, и осудили. Обо мне писали все газеты, моя фотография была на первых полосах, каждый день меня показывали по телевизору, – я мог смотреть его в камере и слышать, как простые люди на улицах требуют самого жестокого наказания для Душегуба. Так меня прозвали репортеры, по слухам, именно я первым начал стрелять в толпу в лунном банке.

С женой мне дали увидеться один только раз. Еще до суда. В комнатке для свиданий мы сплели руки и едва не плакали от острого чувства, что все кончено, наша счастливая жизнь оборвалась в одно мгновение, а для одного из нас закончено и бытие в человеческом теле. Тогда я полагал, что для меня. Но я ошибался.

– Я люблю тебя, – шептали мы. – Я никогда тебя не забуду. Я всегда буду рядом с тобой...

– Итак, сын мой, желаешь ли ты покаяться в грехах? – священник Церкви памяти смотрел на меня сурово – не сомневаюсь, он тоже был уверен в том, что я виновен.

– Мне не в чем каяться, – сказал я.

– Ты можешь упорствовать, сын мой, поскольку, очевидно, считаешь, что есть только кластер, а бога нет. Мне знакома эта ересь. Но можешь быть уверен, бог есть. Он все видит. И дождетя тебя, даже если ты надеешься укрыться от него в кластере на очень долгий срок. Ты увидишь его раньше, чем ты себе представляешь...

И я увидел бога, раньше, чем я себе представлял. У нее было лицо ангела. Она появилась в черной пустоте, выплыла из неоткуда, и я ощутил, как слились воедино наши души.

– Я пришла за тобой, – шепнула Лина. – Я отдам тебе самое себя, только бы ты жил, мой родной...

Я думал, мне почудилось ее присутствие. Но вдруг в мою безнадежную пустоту прорвался луч света, задрожал, налетая бьющими по глазам бликами, словно ветер в темной комнате трепал черную занавесь. И в мое одиночество медленно вошли новые ощущения – телесная боль, острая и режущая, во всех членах человеческого естества. Для кого-то она стала бы мукой,

но я, как мазохист, наслаждался каждой секундой вновь обретенных чувств. Ко мне вернулся слух, зрение, последним явилось обоняние...

В комнате, где я оказался, воняло нестерпимо. Я лежал на твердом столе. Надо мной был серый потолок. Моргала и пощелкивала лампа дневного света. Рядом находилась она, Лина, моя жена. С большим трудом я сел на кушетке, свесил тощие ноги, коснулся ступнями холодного кафеля. Болели сведенные подагрой старые руки, сиплое дыхание с трудом вырывалось из легких. Я состарился на десятки лет.

– Что это за тело? – спросил я испуганно. Любой испытал бы страх, если бы его матрица сознания оказалось в настолько тщедушном теле. Ведь новые воспоминания записываются поверх старых, а значит той личности, какой я был, будучи заключенным Тюремного кластера, больше не существует.

– Извини, денег хватило только на это. – Лина заметно нервничала. – Нелегальная торговля запрещена, они берут много...

– Все в порядке, – я потянулся к ее щеке, но девушка дернулась, я понял, что мое прикосновение будет ей неприятно, и опустил руку. – Кому оно принадлежало?

– Один бродяга. Продал его скупщикам тел, чтобы помочь дальней родне. Он говорил, что оно здоровое. И при должном уходе прослужит еще лет десять. Но потом оказалось, у него был рак. Извини.

– Выходит, я могу умереть в любой момент?

– Это лишь временная мера. Как только мы достанем денег на новое...

– Но где мы достанем денег? – перебил я ее.

– Разве у тебя их нет? Золото? Кредиты?

– Что? – я воззрился на Лину с недоумением. – Откуда?

Она потупила взгляд.

– Как будто ты не знаешь...

– Ты что, подозреваешь меня в чем-то? Я бы никогда не сделал этого... Ты же меня знаешь.

– Не хочешь, можешь не говорить, – Лина закусила губу. Она мне не верила.

– Вот что, – сказал я, – отведи меня в мотель. Этому телу необходимо отдохнуть, выспаться. Мы потом решим, что делать дальше. Хорошо?

– Конечно, – она звякнула ключами, – комнату я уже сняла, в Мытищах. Только... надеюсь, ты не захочешь секса? – Она скривилась. – Во всяком случае, пока ты в этом теле.

– Разумеется, нет, – сказал я раздраженно. – Не уверен, что этот орган у меня, вообще, функционирует. Сколько лет было этому малому? Сто с лишним?

– Идем, – она прошла к двери и стукнула несколько раз.

В операционной объявился неприветливый молодой человек с короткой стрижкой и крашеными в фиолетовый цвет волосами. На вид ему было лет шестнадцать, вот только глаза усталые, как у старика.

– Идите за мной, – сказал он, – я выведу вас через заднюю дверь...

Я сильно хромал. Тащился за Линой, держась за стены, спешил и все равно шел слишком медленно, чем сильно раздражал «молодого» человека.

– Не сдохни раньше времени, – вместо «до свидания» сказал он. Мы оказались в узком тупике, заваленном мусором. «Кропоткинский переулок», – прочел я на табличке. Разгребая ногами грязные целлофановые пакеты, рваные тряпки, обрывки газет, я брел за своей спасительницей. Она спешила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.